

ББК 63.3(2)612

А.В. Санин

## О предпосылках и особенностях красного террора на Урале в годы Гражданской войны: некоторые размышления

*Ключевые слова:* Гражданская война, белый террор, красный террор, Урал, репрессии, белое движение, большевики.

*Key words:* Civil war, white terror, red terror, Ural, reprisals, white movement, Bolsheviks.

Обозначенная тема имеет достаточно непростое развитие, учитывая более чем своеобразное отношение советского государства к своей истории. Проблема изучения красного террора в советский период рассматривалась в контексте оправдания данного процесса, что вполне объяснимо, если вспомнить условия идеологической цензуры, в которых существовала советская историческая наука. Вместе с тем нельзя не учитывать и тот факт, что любая другая попытка взглянуть на данную проблему пресекалась. В 1938 г. была опубликована «История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс» под редакцией ЦК ВКП(б). В главе №8 «Партия большевиков в период иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918–1920 годы)» четко были расставлены все акценты: «...разбитые революцией партии эсеров, меньшевиков, анархистов, националистов поддерживают в период интервенции белогвардейских генералов и интервентов, устраивают контрреволюционные заговоры против Советской республики, организуют террор против советских деятелей (выделено нами. – А.С.). Эти партии, имевшие до Октябрьской революции некоторое влияние в рабочем классе, в период гражданской войны полностью разоблачают себя в глазах народных масс, как контрреволюционные партии» [1, с. 152]. Таким образом, красный террор был признан абсолютным большинством официальных историков СССР необходимым, вторичным и законным, причем процесс имел практически одинаковый ход во всех регионах РСФСР [1, с. 142]. На фоне такой подачи материала терялись попытки некоторых исследователей объяснить красный террор как наиболее соответствующий характеру советской власти: «Марксизм и марксисты говорят: мы признаем только такие методы борьбы, которые вовлекают в эту борьбу массу. Поэтому мы отвергаем террор против отдельных представителей власти, как специфически индивидуалистический способ борьбы» [2, с. 157].

Такому однобокому усвоению истории немало помогало и то, что источники, описывающие эту эпоху, – прежде всего произведения В.И. Ленина, уже изначально представлявшие собой защиту и оправда-

ние «красного террора», вошли в ранг догматических и были, образно выражаясь, «истиной в последней инстанции». В.И. Ленин писал: «...обвинять нас в “терроре” значит лицемерить... обнаружить неспособность понять условия той классовой борьбы, которая называется революцией...» [3, с. 157]. Попытки обратить внимание на массовость и жестокость «красного террора» в основном со стороны белоэмигрантских авторов [4], причем в трактовке соответствующих «идеологически правильных» советских исследователей – сводились на нет рядом эпизодов, характерных для «белого террора», что признавали и сами оппоненты большевиков.

Процесс демократизации и гласности, начавшийся в 1980-х гг., привел к тому, что в этот период появилась возможность выпуска достаточно большого количества работ, посвященных тем или иным аспектам Гражданской войны и лишенных обязательного оправдания «классовой ненависти» и «пролетарского гнева». Одним из качественно новых показателей этого явления стало первое в СССР издание мемуаров ряда деятелей Белой армии, в том числе и тех, кого советская история считала «матерым врагом Советской власти». Отчасти это объяснялось желанием и возможностью заглянуть «по ту сторону» Гражданской войны, отчасти – своеобразному «эффекту запретного плода», возникшему благодаря крайней идеологизации советской истории.

Характерно, что помимо серьезных исторических трудов, отражающих новую интерпретацию фактов российской истории, на волне отсутствия старой идеологии появились работы, резко негативно трактующие эпоху Октябрьской революции 1917 г. и Гражданской войны, причем преобладающим фактором была эмоциональность авторов. Позиция этих авторов отражается высказыванием В.В. Шульгина о действиях большевиков во время Гражданской войны: «Красные – грабители, убийцы, насильники. Они бесчеловечны. Они жестоки. Для них нет ничего священного... Они отвергли мораль, традиции, заповеди Господни. Они презирают русский народ. Они озверелые горожане, которые хотят бездельничать, грабить и убивать, но чтобы деревня кормила их. Они, чтобы жить, должны пить кровь и ненавидеть. И они истребляют “буржуев” сотнями тысяч. Ведь разве это люди? Это “буржуи”... Они убивают, они пытаются... Разве это люди? – Это звери...» [5, с. 17–18]. Уровень эмоциональности здесь превышает всяческие ожидания.

Не останавливаясь на сравнительном анализе и научной ценности этих работ, упомянем о том, к чему привело данное воззрение. В результате этого в советском обществе появился миф о том, что красный террор – явление всеобъемлющее и тотальное, причем для его осуществления было достаточно просто попасть в поле зрения органов, осуществлявших красный террор. Если же у определенного человека имелась соответствующая репутация (участие в репрессиях со стороны Белого движения, служба в белогвардейских или антибольшевистских формированиях или что-либо подобное), то он автоматически становился наиболее вероятной кандидатурой на применение к нему высшей меры наказания. Более того, подобное явление проецировалось на все регионы. Такое прочтение вполне понятно, если добавить к изложенной интерпретации обстоятельства жизни авторов. На наш взгляд, такой подход объясняется простой проекцией методов работы органов НКВД в период «большого террора», символом которого стал пресловутый 1937 г.

Естественно, что автор не отвергает полностью такой подход, имевший место в нашей истории. Как пишет В. Шамбаров о принципе «работы» ВЧК, «вслед за офицерами террор обрушился на мирное население. Хватали и гнали на расстрел членов семей белогвардейцев, юристов, бывших служащих гражданских учреждений. Люди уничтожались «за работу в белом кооперативе», «за дворянское происхождение» или вообще «за принадлежность к польской национальности». Потом стали устраивать облавы, оцепляя целые кварталы – всех задержанных сгоняли в казармы и в течение нескольких дней сортировали, проверяя документы – кого отпустить, а кого отправить в мясорубку. Террор, набиравший силу с момента победы советской власти, открыто легализуется и вводится в систему сразу после установления однопартийного правления – летом 18-го, вместе с продразверсткой, запретом товарных отношений, комбедами и т. п. И точно так же, как продразверстка не являлась следствием голода (наоборот, она сплошь и рядом выступала его причиной), а частью единого ленинского плана построения коммунизма, так и «красный террор» явился отнюдь не ответом на «белый». Он тоже был неотъемлемой частью нового порядка, создаваемого большевиками» [6, с. 529–530].

При этом цитируемый нами автор выделяет важнейшую, на наш взгляд, особенность красного террора, которая заключается в том, что он выступал не наказанием за какие-либо проступки. И даже не методом подавления противников – это была всего лишь одна из его функций. Красный террор – это не средство для достижения какой-либо конкретной цели, а одновременно и цель.

Стоит, правда, заметить, что исторические источники, легшие в основу подобных работ, принадлежали, как правило, антибольшевистским организациям, чья

политическая ангажированность не оставляла сомнений (достаточно упомянуть подборку документов под редакцией Ю.Г. Фельштинского и Г.И. Чернявского по материалам Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков [7]). Материалы собирались Особой следственной комиссией при отделе пропаганды Добровольческой армии Деникина. Это ни в коей мере не умаляет их достоинств исторических источников, но общее направление достаточно ясное).

Остановимся на некоторых особенностях красного террора на Урале, учитывая именно упомянутый нами миф.

Так, работая с архивными материалами, мы обнаружили, что в ряде случаев упомянутая нами схема работает некорректно (выбраны наиболее типичные и интересные на взгляд автора архивные дела). По данным государственного архива Свердловской области, в период 1919–1920-х гг. Революционный Военный Трибунал (РВТ) Уральской (современный регион Свердловской, Пермской, Челябинской и Тюменской областей) области задержал определенное количество лиц, так или иначе сотрудничавших с белогвардейской администрацией или служивших в Белой армии: дело о начальнике белогвардейского карательного отряда Рожине Ермиле Ивановиче [8], дело о белогвардейце Кученкове Иване Васильевиче [9], дело о контрреволюционной пропаганде Абрамовских Константина Ивановича [10] и т.д. При этом, учитывая описанную схему, в отношении указанных лиц можно было ожидать либо высшей меры наказания (расстрел), либо длительных сроков заключения.

Однако после ознакомления с делами РВТ о конкретных обвиняемых выяснилось, что либо дела прекращались по отсутствию состава преступления, что подразумевает, как минимум, объективное и беспристрастное проведение комплекса оперативно-следственных мероприятий, либо амнистия, либо малые сроки заключения (до 3-х лет принудительных работ). Также выяснилась еще одна характерная особенность: по делам был вынесен только один смертный приговор, и вынесен так называемой тройкой при Революционном трибунале [11]. Более того, среди архивных материалов, относящихся к рассматриваемому периоду, встречаются данные, позволяющие говорить о неслучайном характере такого отношения. Так, к этому временному отрезку относится доклад военного следователя реввоен трибунала, что «количество арестованных сказать не могу, но *много уже уволено домой* (выделено нами. – А.С.) и отправлено на работы» [12]. Приведенная информация показывает, что подобное отношение не подходит под упомянутую нами схему протекания красного террора на Урале.

Инциденты красного террора, неизбежные в ходе войны, расценивались самими большевиками как «вредные» и «ненужные». Так, в августе 1919 г. се-

кретным циркуляром Екатеринбургского губернского военно-революционного комитета предписывалось «не допускать репрессий ни грубостей или каких-либо несправедливостей или насилий в отношении заподозренных лиц», мотивируя это несоответствием «принципам революционного правосудия» [13, л. 106]. Естественно, данный циркуляр не означает, что советская власть на Урале устранялась или не использовала методы террора при установлении контроля над регионом, однако налицо намерение большевиков осуществлять правосудие, используя террор как можно меньше.

Кроме того, согласно отчету Уральского комитета РКП(б) ситуация на Урале к началу Октябрьской революции 1917 г. была следующая: «...область, благодаря своему географическому положению, а главным образом по своей хозяйственной отсталости, стояла вне сферы политического движения и совершенно не знала современных форм классового антагонизма и борьбы вследствие отсутствия промышленного пролетариата и родственных элементов. Немногочисленная рабочая среда из мукомолов, железнодорожников и полукустарных предприятий никакой почти силы не представляла и политической роли до прихода красных войск не играла» [14]. К маю 1919 г., как показывает уже упомянутое донесение Урало-Сибирского бюро ЦК РКП (б), «Средний и Северный Урал, отчасти и Южный, нами (Урало-Сибирским бюро. – А.С.) теперь обеспечен хорошими партийными силами <...> Систему “колонизации” Урала партийными работниками нам пришлось применить прежде всего потому, что на Урале коммунистов было мало и теперь не осталось» [14].

Более того, мы столкнулись с многочисленными фактами мобилизации и привлечения офицерства в ряды Красной армии, что явно противоречит упомянутому мифу. Как следует из ряда писем, такая практика получила значительное развитие, что, естественно, вызвало негативную реакцию со стороны советских органов власти. Например, это подтверждает письмо от 18 февраля 1920 г., где заместитель председателя Особого отдела ВЧК В.Р. Менжинский писал секретарю ЦК РКП Н.Н. Крестинскому: «Особый отдел ВЧК считает массовый прием офицеров Колчака на командные должности недопустимым, особенно в тех местах, где Сов. Власть не успела достаточно укрепить. Особый отдел полагал бы

1. Заключение всех офицеров в концентрационные лагеря...» [15].

Тогда же, 1 марта 1920 г., Л.Д. Троцкий пишет начальнику Всероссийского главного штаба Зейду: «...Некоторые части комплекуются за счет колчаковцев. Необходим немедленный перевод офицеров-колчаковцев на Запад и Урал» [16].

Конечно, солдаты Красной армии, у которых был немалый фронтальный опыт, были этим недовольны.

С момента опубликования печально знаменитого «приказа №1», развалившего всю армию Российской империи, солдаты, особенно распропагандированные большевиками, видели в офицере своего врага. В открытом письме красноармейца Бригады Особого назначения при Всероссийском ЦИК Куришева Троцкому было прямо заявлено (сохранена орфография оригинала. – А.С.): «а теперь скажите что сделали Ваши военные специалисты? В кабинете разрабатывают план обороны от союзников, финнов, эстов, Колчака? Где их победы? Да ни к черту!» [17].

Однако позиция Л.Д. Троцкого, озвученная в брошюре «Военные специалисты и Красная армия» [18], ясно показывала, что, по крайней мере до окончания Гражданской войны, использование офицерских кадров в Красной армии было достаточно масштабным, а значит, прежняя теория о принципиальной несовместимости советской власти и кадрового офицерства (в том числе и белогвардейского) не совсем отвечает реальности. Не касаясь дальнейшей судьбы офицеров на службе Красной армии, поскольку это явно выходит из тематики и хронологических рамок нашего исследования, можно заметить, что вряд ли факт службы офицером, тем более белогвардейцем, расценивался большевиками как менее отягчающий, по сравнению с фактом простого сотрудничества некоторых лиц с Белой армией.

Вступая в некоторую оппозицию к сложившимся представлениям о предпосылках и развитии красного террора на Урале, мы можем предположить, что данный вид террора во многом был вторичен по отношению к террору белому. Как показывает вышеупомянутый текст, на Урале не было считающихся традиционными причин для развязывания красного террора или же эти причины не были первостепенными. Советская историография, например, А. Таняев в своей работе «Колчаковщина на Урале», к числу подобных причин относил прежде всего классовую борьбу [19].

Более важными, на наш взгляд, могут считаться взаимоотношения между местным казачеством и советской властью, поскольку именно разногласия между ними в начальный период Гражданской войны и обусловили то социальное напряжение, которое вылилось в инциденты, получившее название «террор». Однако и здесь не стоит однозначно обвинять ту или иную сторону. Легкость применения оружия, усвоенная в период Первой мировой войны, отсутствие легитимной власти, общая потеря каких-либо нравственных ориентиров – все это так или иначе сделало трагически доступным лишение жизни или применение насилия против человека.

В качестве примера можно привести вопрос об освещении известного налета 4 апреля 1918 г. отряда войскового старшины Н.В. Лукина на Оренбург. Если в ряде работ [20] эта акция имеет достаточно

нейтральное или сочувственное освещение, то вполне правомерная и ответная (на наш взгляд) контракция красноармейских подразделений имеет явно осуждающее освещение.

При внимательном рассмотрении истории «бело-чешского» мятежа видно, что казачество отнюдь не выступало в роли миротворцев. Так, во время захвата чехословацкими подразделениями Челябинска, по свидетельству очевидца, «казаки подходили и просили у охраны, чтобы им дали хотя бы одного большевика, затем чтобы с ним расправиться» [21, л. 11].

Что примечательно, специфика работы с местным казачеством большевиками учитывалась и далеко не всегда в виде красного террора. Так, в докладе Временного комитета Челябинской организации РКП(б) в ЦК РКП (б) (в оригинале дата неизвестна, но по косвенным признакам документ можно датировать началом 1924 г. – А.С.) о своей работе указывалось, что «при проведении партийной работы и руководства Советской работы в Челябинском районе пред Комитетом стоит трудная задача *лавирировать* между различным населением, как рабочие, крестьяне, инородцы и казаки в Троицком и Челябинском уездах... Наша тактика состоит в осторожном и вдумчивом подходе к решению вопросов, затрагивающих население, и, безусловно, в сторону *благожелательности*» (выделено нами. – А.С.) [22]. Однако, если учесть обстановку, где работал данный комитет, то становится ясной декларируемая трудность этой задачи. Ведь, как констатировал упомянутый нами комитет, на Южном Урале именно казаки «при подходе Красной армии к казачьим станицам самовольно мобилизовались

(мужчины. – А.С.) от 14 до 45 лет и больше, в станицах остались исключительно дети, женщины и старики. Здесь происходили самые кровопролитные бои, принесшие нам огромный урон. Необходимо учесть, что война против Советов началась именно среди этих казаков – два дутовских выступления и опора Чехо-Словаков» [22].

Анализ этих документов показывает, что основные положения упомянутого мифа – обязательные репрессии в отношении лиц, сотрудничающих с антибольшевистскими формированиями, куда непременно входили офицеры и казаки; отсутствие какой-либо альтернативы методам красного террора со стороны большевиков – не всегда отвечают действительности.

Таким образом, при историческом исследовании эпохи Гражданской войны 1918–1920 гг. на Урале можно сделать следующие выводы:

1. В период Гражданской войны на Урале террор применялся спорадически и, как правило, был обусловлен либо соответствующей идеологической и нравственной позицией исполнителей террора, либо неизбежным в ходе войны насилием.

2. Осуществление политики террора партийными, правоохранительными и репрессивными органами не было приоритетным и сочеталось с другими, менее радикальными средствами осуществления политики.

3. Проведение советской властью политики расквашивания на Урале не означает, что проведение этой политики проводилось исключительно террором. При этом достаточно дискуссионным является вопрос о первичности красного или белого террора на Урале.

## Библиографический список

1. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс / под ред. Комиссии ЦК РКП(б) – М., 1938.
2. Майский, И. Демократическая контрреволюция / И. Майский // Красная новь. – 1922. – №6.
3. Мельгунов, С.П. Красный террор в России 1918–1923 / С.П. Мельгунов. – Берлин, 1924.
4. Ленин, В.И. Письмо к американским рабочим / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. : в 55 т. – М., 1981. – Т. 37.
5. Шульгин, В. 1920 / В. Шульгин. – София, 1929.
6. Шамбаров, В.Е. Белогвардейщина / В.Е. Шамбаров. – М., 2002.
7. Фельштинский, Ю.Г. Красный террор в годы Гражданской войны: по материалам Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков / Ю.Г. Фельштинский, Г.И. Чернявский. – М., 2004.
8. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). – Ф. Р-574. – Оп. 2. Д. 3.
9. ГАСО. – Ф. Р-574. – Оп. 2. – Д. 5.
10. ГАСО. – Ф. Р-574. Оп. 2. – Д. 42.
11. ГАСО. – Ф. Р-574. – Оп. 2. – Д. 54.
12. ГАСО. – Ф. Р-574. – Оп. 2. – Д. 63.
13. ГАСО. – Ф. Р-7. – Оп. 1. – Д. 21.
14. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф. 17. – Оп. 109. – Д. 371.
15. РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 109. – Д. 56.
16. РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 109. – Д. 90.
17. РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 109. – Д. 40.
18. Троцкий, Л.Д. Военные специалисты и Красная армия / Л.Д. Троцкий. – Лиски, 1918.
19. Таяев, А.Р. Колчаковщина на Урале (1918–1919) / А.Р. Таяев. – Свердловск, 1930.
20. Ганин, А.В. Атаман А.И. Дутов / А.В. Ганин. – М., 2006.
21. Центр документации общественных организаций Свердловской области. – Ф. 41. – Оп. 2. – Д. 64.
22. РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 109. – Д. 378.